

О.Н. Донченко

Трансформация сибирского крестьянского семейного хозяйства в 1920-1930-е гг. (на примере Иркутской губ.)

Социально-экономические и политические процессы, происходившие в нашей стране на рубеже XX–XXI вв., вновь поставили на повестку дня вопрос о судьбах крестьянства. Будущее российского крестьянства решается сейчас на всех уровнях: на селе, в районных, областных центрах, в столице. Рассматриваются и реализуются различные модели и сценарии. Политика государственной и региональной власти не может быть эффективной без знания исторических форм организации крестьянского хозяйства. В данной статье рассматриваются исторические трансформации сибирского крестьянского хозяйства. Аграрная политика, проводимая большевиками в 1920–1930-е гг., кардинально изменила сложившиеся за века устои хозяйственной жизни сибирского крестьянства. В исторически минимальный срок была осуществлена социальная революция, уничтожившая не только основы семейного крестьянского хозяйства, но и накопленный за многие столетия хозяйственный опыт и профессиональные навыки, превратив крестьян в сельскохозяйственных рабочих.

До XX в. основным типом крестьянского хозяйства в Сибири являлось семейно-родовое производственное объединение. Основопологающим принципом традиционной сибирской крестьянской семьи являлось разделение труда и личный труд, независимо от пола и возраста. Основными участниками сельскохозяйственного производства были мужчины 18–60 лет и женщины 16–55 лет. Эти категории населения составляли около 45% сибиряков-сельчан. Земские статисты установили зависимость размеров посевной площади от численности крестьянского двора. Хозяйства с многочисленной семьей распахивали и засеивали больше земли, держали больше скота и, следовательно, получали в совокупности более высокие доходы.

Так, дворы, относимые одним из ведущих исследователей аграрной истории Сибири начала XX в. Л.М. Горюшкиным к бедняцким, состояли в среднем из 4,4, к середняцким – из 6,3, к кулацким – из 8,6 чел. [1, с. 134–136]. В среднем по Сибири численность сельской семьи определялась в 5,5 чел. [2, с. 71]. Средний состав сельской семьи в губернии в 1917 г. составлял у русского старожилото населения 6,2, у переселенцев – 5,7, у бурят – 4,4 чел. [3, с. 10]. В Иркутской губернии в 1917 г. к зажиточным хозяйствам можно было отнести 30,7% хозяйств [4, с. 55]. Несмотря на то, что в Иркутской губернии в начале века наблюдался известный дефицит удобных для

занятия сельским хозяйством территорий, на одного жителя в 1917 г. приходилось 2,3 га сельхозугодий, 1 га пашни, 0,5 га сенокосов, в том числе 0,6 посевов, что даже при низкой продуктивности сельского хозяйства позволяло в основном обеспечивать население продуктами питания [5, с. 4].

Начавшиеся в 1917 г. радикальные социально-экономические трансформации оказали свое негативное воздействие на аграрный сектор региона. Прежде всего это проявилось в сокращении площади посевов и поголовья скота. Так, исследователь И.А. Черешных в 1925 г. указывал, что посевные площади, в целом по Сибири, в 1923 г., в сравнении с 1917, сократились на 30,8% [6, с. 46]. В Иркутской губернии, по расчетам современника событий экономиста К.Н. Миротворцева, к 1923 г. размеры посевной площади сократились на 30% [3, с. 15]. Кроме объективных обстоятельств, аграрный кризис в значительной мере был обусловлен политикой «военного коммунизма». Хотя сибирский аграрный комплекс, в отличие от среднерусского, имел более высокий потенциал и внутренние резервы. Средние и крепкие сибирские хозяйства оказались более устойчивыми и менее восприимчивыми к послереволюционному кризису.

Возрождению сельского хозяйства и стабилизации положения семейного крестьянского хозяйства способствовал новый экономический курс, провозглашенный X съездом РКП (б) в 1921 г. У крестьян появился стимул к расширению посевной площади, повышению производительности труда и товарности своего производства. В течение нескольких лет аграрный сектор развивался преимущественно за счет использования труда членов семьи.

В Сибири крестьянские хозяйства с посевом от 2 до 6 дес. были нерентабельны. По данным историка И.С. Степичева, в 1927 г. 12,5% хозяйств Иркутского округа и Усольского района засеивали от 10 до 20 и свыше десятин земли, по стране эта цифра составляла 7,4% [7, с. 7]. Это еще раз подтверждает то, что в губернии прослойка крепких крестьянских хозяйств была достаточно многочисленной. Восстановлению рыночных отношений способствовало узаконивание аренды земли. Это позволило сконцентрировать земли у наиболее старательных, хозяйственных крестьян, повысив эффективность отрасли в целом. В случае поддержки государством этой тенденции выросла бы эффективность использования земли, ибо в советских доколлективизационных условиях

она приобрела статус товара. Однако советское регулирование арендных отношений, сделав в 1925 г. шаг навстречу, вскоре стало их ограничивать. Власти обосновали свое неприятие аренды заботой о бедняке и середняке, хотя именно середняк был больше всего заинтересован в стабилизации арендных отношений. В целом благодаря удачному стечению обстоятельств, рыночной конъюнктуре и социально направленной политике советской власти по отношению к крестьянству в Иркутской губернии шел процесс укрепления основной массы крестьянских хозяйств и смягчения имущественной дифференциации. В 1920–1925 гг. в губернии группа середняцких хозяйств выросла на 13,9% и достигла 61,2% от общего количества [8, с. 158]. Наряду с количественным ростом, группа середняцких хозяйств резко увеличила посевную площадь и количество скота. В 1925 г. на долю середняцких и бедняцких хозяйств приходилось 85,5% посевной площади губернии. Так, в 1924 г. 55,9% хозяйств Иркутской губернии имели по 2–3 лошади, 43,8% – по 2–3 коровы [9, с. 301]. Укрепление средняцких слоев крестьянства было характерным для всей страны. XIV съезд партии в резолюции по отчету ЦК отмечал, что «средняцкие слои крестьянства чрезвычайно усилились» и что эти слои составляют теперь, «несмотря на процесс дифференциации, основную массу крестьянства» [10, с. 78].

Следует отметить, что и в период НЭПа принадлежность крестьянского хозяйства к той или иной имущественной группе была по-прежнему взаимосвязана с размерами и составом семьи. Так, согласно материалам гнездовой динамической переписи 1927 г. по Сибирскому краю, дворы без средств производства состояли из 2,7 чел., со средствами производства стоимостью до 100 руб. – из 3,7, от 101 до 200 руб. – из 4,2, от 201 до 400 руб. – из 4,9, от 401 до 800 руб. – из 5,8, от 801 до 1600 руб. – из 6,7 чел., со стоимостью средств производства свыше 1600 руб. – из 8,1 чел. [11, с. 227].

Государственное регулирование сельской экономики претерпевало известные волнообразные изменения. В 1920-е гг., вместо прямого, голого административного насилия времен «военного коммунизма», проводилась налоговая и ценовая политика. Однако в налоговой политике основными оставались не хозяйственные, а прежние социально-классовые приоритеты. Так, уже в начале НЭПа советские органы пытались найти «кулака» и взвалить на него большую тяжесть налога. В Сибири в 1924–1925 гг. на одно бедняцкое хозяйство приходилось 5,5 руб. налога, средняцкое – 32,5, кулацкое – 92,8 руб. [12, с. 183]. В Иркутской губернии в 1925/26 хозяйственном году размер сельскохозяйственного налога на «кулаков» был в 17,5 раза больше, чем на бедняков [13, с. 115]. Подобная перестройка с введением налогов не стимулировала сельское хозяйство региона, а, наоборот,

усиливала стремление обойти подобный налог путем формального дробления крестьянских хозяйств.

К концу 1920-х гг. крупные крестьянские хозяйства являлись главными поставщиками товарной сельхозпродукции. Именно они выплачивали преобладающую часть налогов, создавали материальную базу для индустриализации и формировали емкий рынок для советского машиностроения и промышленности. О степени эффективности разных форм крестьянских хозяйств в Иркутской губернии свидетельствуют результаты заготовительной кампании 1929 г. Средняцкие и зажиточные хозяйства дали по 40% товарного хлеба, а бедняцкие и коллективные хозяйства – по 10% [14, с. 142–145]. Но именно крупные хозяйства были ликвидированы в процессе коллективизации.

Внедрение коллективистской идеологии и развитие товарных отношений в Сибири создавали благоприятные условия для кооперирования местного крестьянства. В Иркутской губернии первые кооперативные объединения – коммуны – начали организовываться в 1918 г., тогда было образовано 17 хозяйств. По данным Сибирского земельного отдела, в октябре 1920 г. в губернии функционировало 46 коллективных хозяйств, из них 30 коммун [13, с. 128]. В основном в коммуны шли крестьяне-бедняки, из них значительную долю составляли крестьяне-переселенцы, прибывшие из центральных губерний России. Коммуны не пользовались популярностью у «крепких» крестьян; другое дело – общества крестьянской кооперации, они в губернии получили широкое распространение. В 1925 г. в Иркутской губернии имелось 152 потребительских общества, охватывающих 55,5% крестьянских хозяйств, и 142 сельскохозяйственных кооператива, в том числе 20 колхозов, 45 машинных товариществ и 70 кредитных кооперативов [15, с. 56]. К середине 1920-х гг. разными формами сельскохозяйственной кооперации было охвачено не менее одной трети крестьянских хозяйств губернии. Причина активного распространения крестьянской кооперации, на взгляд автора, состоит в том, что она не покушалась на традиционную форму крестьянского хозяйства, не нарушала самостоятельности семейного крестьянского хозяйства, объединяя небольшие коллективы. Но для повсеместного распространения кооперативных объединений требовались значительное время и серьезная государственная помощь, на которую производитель в 1920-е гг. надеяться не мог. Свои действия он определял интересами рынка и себестоимостью продукции, полностью соизмеряя их с критическими параметрами природно-климатических условий, вынужденно придерживаясь принципа адаптивности производства, что, в конечном счете, и обеспечивало высокую эффективность хозяйствования. Конец десятилетия был во многом предельным для существовавшего тогда экстенсивного способа аграрного освоения. Неизбежен был переход к интенсификации

сельского хозяйства на основе рыночных отношений, с привлечением в него значительных средств. Это, однозначно, привело бы к укреплению позиций зажиточного единоличного крестьянства.

В конце 1920-х гг. со стороны государства принимаются меры по усилению коллективизации и ограничению индивидуального хозяйствования. Накануне коллективизации (1928 г.) в стране было 25 млн. единоличных крестьянских хозяйств, которые обрабатывали 97,3% посевных площадей, имели 90% всех средств производства. Причем лишь каждое пятое хозяйство пользовалось наемным трудом, используя, в основном, труд членов семьи. В Восточной Сибири произошло явное расслоение крестьянства – здесь к концу 1920-х гг. насчитывалось середняков – 65, кулаков – 5, бедняков – 30% [16, с. 80]. Но структура крестьянства, характеризовавшаяся преобладанием единоличного хозяйства, не удовлетворяла большевиков. Еще в 1919 г. в «Положении о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», изданному ВЦИК 14 февраля 1919 г., говорилось: «...на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на преходящие и отживающие» [17, с. 197].

Решения XV съезда ВКП(б), прошедшего в конце 1927 г., стали началом конца существования в стране индивидуальных форм хозяйствования. Съезд объявил магистральным путем развития сельского хозяйства переход к производственной кооперации крестьянства. Учитывая ментальность крестьянства, «на постепенный переход» потребовалось бы как минимум 25–35 лет. Это не устраивало фактически захватившую власть группу «левых» коммунистов во главе с И.В. Сталиным. Уже XVI партконференция в апреле 1929 г. продемонстрировала изменение позиции в сторону ускорения темпов процесса коллективизации. Политическое решение о возможности осуществления коллективизации в течение нескольких лет было принято в ноябре 1929 г. Пленумом ЦК ВКП(б). Немаловажную роль в этом сыграл экономический кризис 1927–1928 гг. На 1 января 1928 г. было заготовлено хлеба на 128 млн пудов меньше (300 млн пудов вместо 428). Главная причина кризиса состояла в том, что крестьяне отказывались продавать зерно государству по низким закупочным ценам. Однако вместо разрешения проблем при помощи механизма рыночных отношений Политбюро ЦК ВКП(б) решило прибегнуть к методам внеэкономического воздействия на крестьян. Ужесточение политики в отношении деревни прикрывалось лозунгом об обострении классово-вой борьбы. И.В. Сталин утверждал, что в «кулацких хозяйствах имеются хлебные излишки по 50–60 тыс. пудов на каждое хозяйство, не считая семян» [18, с. 102]. Он потребовал конфисковать хлебные излишки у «кулаков» в пользу государства.

Ударом по индивидуальным крестьянским хозяйствам стала сформулированная Сталиным задача-

лозунг – «ликвидировать кулачество как класс». Как известно, к разряду «кулацких» в Сибири можно было отнести больше половины крестьянских хозяйств. Термин «кулак» в Сибири в значительной мере вообще был лишен смысла. Формально борьба была направлена только на «кулаков». Но грань между сибирским середняком и «кулаком» была так условна, что репрессии повсеместно задевали основную массу крестьянства. В отчете о работе Иркутского Губернского Земельного управления за I квартал 1924 г. указывалось на невозможность определения крестьян к той или иной социальной группе «ввиду условности самого понятия «кулак», «середняк» [19, с. 4].

Нажим на зажиточные хозяйства со стороны государства: чрезвычайные меры при хлебозаготовках, конфискация хлебных запасов и части средств производства, прекращение кредитования, усиление налогового пресса привели к тому, что в 1927–1929 гг. количество хозяйств «кулацкого» типа резко сократилось. Специфическим явлением этого периода стало более интенсивное, чем до революции, дробление крестьянских дворохозяйств, так как большие сибирские крестьянские семьи являлись и более зажиточными. Если в 1917 г. средняя сибирская семья состояла из 6 чел., то в 1929 г. в территориальных рамках Восточно-Сибирского края она состояла из 5,46 чел., в 1930 г. из 5,13 [20, с. 227, 231]. Государство фактически сознательно разоряло единоличное товарное хозяйство и ставило крестьян перед выбором: или дальнейшая деградация хозяйства или радикальное изменение жизни. Как результат, во второй половине 1929 г. значительная часть зажиточных крестьянских хозяйств самоликвидировалась. Крестьяне, опасаясь репрессий, распродали или уничтожили свое имущество и бежали из села. С конца 1929 г. по весну 1930 г. было ликвидировано более половины единоличных сибирских крестьянских хозяйств. Окончательное принятие курса на форсированную коллективизацию зафиксировано в Постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», определившем крайние сроки ее завершения весной 1932 г. [10, с. 664].

В Иркутской губернии массовое колхозное строительство началось в 1928 г., а уже к 1932 г. большая часть посевов и скота находилась в составе коллективных хозяйств, что принципиально изменило ситуацию в аграрном секторе региона. С 1932 по 1933 г. количество индивидуальных хозяйств в губернии сократилось на 8781 двор, составив в начале 1932 г. 56616, а к концу 1933 г. 47835 хозяйств [21, с. 54–55]. В целом по Сибири к концу 1932 г. насчитывалось 649,9 тыс. единоличных крестьянских хозяйств, или 40,4% от общего числа сельских дворов. Результатом «большевистского натиска» стало резкое падение производительных сил сельскохозяйственного производства, особенно ошутимое в животноводстве.

Поголовье крупного рогатого скота в Сибири сократилось с 16,8 до 13,4%, рабочих лошадей – с 19,3 до 16,3%, овец и коз – с 23,5 до 13,3%, свиней – с 13,6 до 12% [22, с. 115]

Чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики, власти скорректировали свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации были официально дезавуированы. Крестьяне в массовом порядке стали выходить из колхозов. К лету 1930 г. в колхозах Иркутской губернии осталось около 20% крестьянских хозяйств [23, с. 145]. Но восстановить прежние размеры своих хозяйств бывшим колхозникам уже не удалось. Отступление режима имело тактический характер. Отказавшись от одномоментного штурма, власти приступили к планомерной, но относительно скоротечной осаде единоличной деревни.

Несмотря на бедственное положение большинства единоличников, их небольшое количество и совершенно ничтожный вес в сельскохозяйственном производстве, давление на них со стороны большевистского режима в конце 1930-х гг. еще больше усилилось. Начатое осенью 1934 г. увеличение налогообложения единоличников привело к сокращению числа таких хозяйств до 33,7% (546,3 тыс. дворов), в 1935 г. их доля сократилась до 18,3, в 1936 г. до 9,0, а в 1937 г. до 6,9% [22, с. 319, 346, 347, 361].

Еще более усилили налоговый пресс на единоличное хозяйство принятые в апреле 1938 г. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О налогах и других

обязательствах в отношении единоличных хозяйств», введение в августе 1938 г. закона «О государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств» и в сентябре 1939 г. закона о сельскохозяйственном налоге [24, с. 141]. Единоличники, не уплатившие налоги, привлекались к суду.

Утвержденное майским (1939 г.) пленумом ЦК Постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» потребовало до 15 августа 1939 г. произвести обмер всех приусадебных участков и до 15 ноября отрезать все «излишки» сверх установленных норм. В Иркутской области были установлены «излишки» земли, находящиеся в личном пользовании колхозников, в размере 3952 га, в пользовании единоличников – 877 га и в пользовании рабочих и служащих – 2414 га, а всего 7243 га. По Заларинскому району таких излишков обнаружено 538 га, по Боханскому – 639, по Зиминскому – 948, по Тулунскому – 966 га [25, с. 175]. Указанные меры привели к дальнейшему сокращению количества единоличных дворов. По переписи населения 1939 г. доля единоличников в сельском населении Восточной Сибири составила 1,1% [26, с. 105].

В результате «варварской» политики государства, целиком и полностью направленной на уничтожение крестьянства как социальной группы, к началу 1940-х гг. индивидуальное крестьянское хозяйство в том виде, в котором оно существовало в Сибири со времени начала российской аграрной колонизации, было фактически уничтожено.

Библиографический список

1. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) / Л.М. Горюшкин. – Новосибирск, 1976.
2. Винокуров М.А. Экономика Иркутской области : в 3 т. / М.А. Винокуров, А.П. Суходолов. – Иркутск, 1998. – Т. 1.
3. Миротворцев К.Н. Сельское хозяйство в Иркутской губернии : краткий географический и статистико-экономический очерк / К.Н. Миротворцев. // Материалы Иркутского Губстатбюро. – Вып. 14. – Иркутск, 1923.
4. Степичев И.С. Сельское хозяйство Иркутской области за 40 лет / И.С. Степичев, М.К. Гаврилов, А.А. Смирнов. – Иркутск, 1957.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). – Ф. Р-42. – Оп. 1. – Д. 735. – Л. 4.
6. Черешных И.А. Современное состояние сельского хозяйства в Сибири / И.А. Черешных // Северная Азия. – 1925. – Кн. 1–2.
7. Степичев И.С. Осуществление ленинской программы строительства социализма в Восточной Сибири / И.С. Степичев. – Иркутск, 1971.
8. Иркутская область : экономико-статистический справочник. – Иркутск, 1941.
9. ГАИО. – Ф. Р-218. – Оп. 1. – Д. 54. – Л. 55.
10. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 7-е изд. – М., 1954. – Ч. II.
11. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство / В.П. Данилов. – М., 1977.
12. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917–61 гг. / под ред. В.М. Бушуева, А.А. Сницаренко. – Новосибирск, 1965.
13. Зуляр Ю.А. История сельскохозяйственного освоения и страхования агропромышленного производства Байкальской Сибири в XX столетии / Ю.А. Зуляр, Д.Б. Худаков. – Иркутск, 2005.
14. Карлов С.А. Развитие индивидуального и коллективного хозяйства в аграрном секторе экономики Восточной Сибири в годы НЭПа / С.А. Карлов // Дуловские чтения : материалы региональной научно-практической конференции, посвященной В.И. Дулову. Октябрь 1997 г. – Иркутск, 1998.
15. Выборов М.М. Регулирование социально-экономических отношений в Сибирской деревне в восстановительный период / М.М. Выборов // Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917–1961 гг. – Новосибирск, 1965.
16. Баландин Ю.С. Крестьянское хозяйство / Ю.С. Баландин. – М., 1992.
17. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1972. – Т. 1.
18. Косачев В.Г. Накануне коллективизации. Поездка

И.В. Сталина в Сибирь / В.Г. Косачев // Вопросы истории. – 1998. – №5.

19. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1866. – Л. 12.

20. Гушин Н.Я. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.) / Н.Я. Гушин, В.А. Ильиных. – Новосибирск, 1987.

21. Сельское хозяйство Восточно-Сибирского края за 1932 г. и 1933 г. – М. ; Иркутск, 1934.

22. Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.) / Н.Я. Гушин. – Новосибирск, 1973.

23. Шерстобоев В.Н. Развитие сельского хозяйства Иркутской области / В.Н. Шерстобоев // Иркут. обл. экон.-стат. справ. – Иркутск, 1941.

24. Хрестоматия по истории КПСС : пособие для вузов / сост. В.Н. Донченко, Л.С. Леонова. – М., 1989. – Т. 2: 1925 – март 1985 г.

25. Иркутская область : экономико-статистический справочник. – Иркутск, 1941.

26. Мелентьева А.П. Влияние коллективизации на уровень жизни сельского населения Сибири (вторая половина 1930-х гг.) / А.П. Мелентьева, Л.Н. Приходько // Развитие форм социалистической собственности в сибирской деревне: исторический опыт и современность. – Новосибирск, 1991.